

Р.У. Семенова*

ХАННА АРЕНДТ О СООТНОШЕНИИ ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ

Ханна Арендт – немецко-американский философ и политолог, рассмотревшая проблему соотношения политики и морали в целостно-интегративном аспекте. Можно считать, что ее творчество является продолжением традиционного интереса к названной теме, которая достаточно определенно обозначилась в истории политической мысли.

Уже в политических построениях античности прослеживается теоретическая линия, связанная с обоснованием проблемы соотношения политики и морали. Она решалась в русле полного растворения полисных основ бытия в нормах нравственности. Предполагалось и устанавливалось, что полисная политико-государственная форма правления призвана воплотить высокие принципы блага, добра, справедливости. Платон писал об этом в «Государстве»: «По существу, подлинный правитель имеет в виду не то, что пригодно ему, а то, что пригодно подвластному» [1, с.88]. Такая позиция поддерживалась стремлением сохранить систему полисных ценностей, порядков и установлений, которая в V-IV вв. до н.э. вступила в полосу затяжного кризиса.

В эпоху позднего Возрождения итальянский мыслитель Н. Макиавелли, разводя политику и мораль, устанавливал, что политика должна быть свободной от каких-либо религиозных установлений и нравственных норм. В практически-политическом плане такая позиция сопровождалась призывами к использованию в политической сфере насильственных средств политической деятельности. «Государь, если он желает удерживать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости, – подчеркивал Макиавелли в одной из глав «Государя». – Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку» [2, с.348]. И хотя Макиавелли не был склонен к сведению всего многообразия инструментов политической деятельности только к насилию, а, скорее всего, ратовал за разнообразие их, тем не менее его имя в истории политической мысли стало синонимом коварства, жестокости, двуличия («макиавеллизм»).

Уже в XIX столетии марксистская интерпретация интересующей нас темы демонстрировала полный разрыв политического и нравственного. Учение о государстве и политико-правовых формах, преодолевающих отчуждение личности, пронизано идеями несовместимости общечеловеческой морали и классовых интересов пролетариата. К.Маркс и Ф.Энгельс ставили под сомнение мораль, считая ее превращенной формой общественного сознания, которая искажает и прикрывает социальные антагонизмы. Вот почему программным для них являлось утверждение о том, что «коммунисты не проповедуют никакой морали» [3, с.236]. Маркс и Энгельс исходили из идеи абсолютного несовпадения морали и политики, поскольку мораль есть «бессилие в действии» [4, с.219], а имманентностью политики выступает активное отношение к миру, проявляющееся в разрушении буржуазных и созидании социалистических форм.

Во второй половине XIX - начале XX вв. компромиссный подход к соотношению политики и морали обосновывал М. Вебер. Вебер пытался соединить политику и мораль через признание возможности объединения двух принципов – «этики ответственности и этики убеждений». Если «этика убеждений» предполагает последовательное и неукоснительное соблюдение политических правил, которые могут привести к определенным нравственным издержкам, затратам и жертвам, то «этика ответственности» предполагает постоянную корректировку политических подходов в соответствии с учетом политических последствий. Веберу было присуще понимание того, что в политике неизбежно применение насилия, это вытекает из специфической ее природы как воплощения интересов противоборствующих сил. В сочинении «Политика как призвание и профессия» он сформулировал следующее положение: «Конечно, насилие не является нормальным или единственным средством государства, об этом нет и речи, но оно, пожалуй, специфическое для нее средство» [5, с.645].

В целом позиция Арендт выдержана в русле подходов Вебера (несмотря на стремление дистанцироваться от него по некоторым вопросам, в частности, по вопросу о взаимодействии власти и насилия) и может быть осмыслена как дальнейшее развитие принципов компромиссного подхода к соотношению политики и морали. Возможность применения нравственных норм к политике обретает у Арендт характер оценки определенности политического действия с точки зрения добра и зла. Современная эпоха, считает она, продемонстрировала крушение всех ценностей и норм, казавшихся в течение длительного времени незыблемыми.

* © Р.У. Семенова, 2006.

Самое удивительное и угнетающее в ней – это та легкость, с которой осуществился «переворот Декалога» и «мораль предстала просто как набор... манер, обычаев, убеждений, легко сменяемых по желанию» [6, с.54]. И все же тоталитаризм получает однозначную оценку с точки зрения дифференциации нравственных норм на ценности и антиценности. Тоталитарный политический режим с присущими ему атомизацией общества и разобщением человеческих индивидуальностей, террором, обращенным против всех и каждого, лживой пропагандой и агрессивной внешней политикой рассматривается Арендт как квинтэссенция всего самого уродливого и отвратительного в XX в. Тоталитаризм как политический феномен становится синонимом «радикального» или «абсолютного» зла. «И если верно, что на заключительных стадиях тоталитаризма является зло в своей абсолютной форме, – подчеркивает Арендт, – то столь же верно и то, что без этого зла мы бы, вероятно, никогда не узнали бы подлинно радикальную природу зла» [7, с.31].

Представленное в таком контексте зло характеризуется тем следующим:

- выходит за рамки нормального человеческого понимания. Бесчеловечность тоталитарного устройства столь очевидна, что его можно отнести к таким явлениям, которое «мы не можем ни понять, ни простить», его невозможно «объяснить злыми мотивами эгоизма, жадности, обиды, алчности, жажды власти или трусости» [7, с.433];
- дегуманизирует нормальные человеческие взаимоотношения, безжалостно разрушает семейные, межличностные отношения, создает условия, при которых «совесть умолкает» и не может служить ориентиром поведения. Индивиду предлагают выбор не между добром и злом, «а между убийством и убийством» [7, с.586];
- нарушает гармоничное сочетание публичной и частной сфер, приводит к деформациям бытийной основы существования индивидов. Тоталитарный политический режим осуществляет перекокс в сторону публичности, основанный на непомерно большой роли властно-бюрократических структур и, соответственно, ограничении приватной сферы.

Что же касается добра, то оно рассматривается Арендт как ценность, которая не совпадает с чем-то исключительным и выдающимся. Понимаемое в таком контексте добро, будучи включено в реальную ткань обычных межчеловеческих отношений, не сводится к чему-то редкому, показательному и масштабному. Подлинное добро должно быть присуще межчеловеческим отношениям всегда. Добро не совпадает с «просто полезным» [8, с.96]. Оно не может быть мотивацией человеческой деятельности, в основании которой лежит специфически утилитарное отношение к миру как к средству достижения утилитарных благ, удовлетворению его базовых физиологических и социальных потребностей. Арендт приходит к заключению, что «добро есть одна из существенных возможностей человеческой деятельности» [8, с.96].

Стремясь осмыслить механизмы внутренней динамики добра в политических отношениях, Арендт формулирует два основополагающих принципа, которые, по ее мнению, будучи применены в политических отношениях, могли бы весьма существенно оздоровить их – «это способность прощать» и «способность сдерживать обещания». Она считает, что названные принципы обладают значительной степенью творческого, обновленного потенциала, в отличие от тех принципов, которые сформулировала в свое время античная классика. Важнейшая особенность их – преодоление «слепоты к реальности», т.е. возможность воплотиться, осуществиться на практике. «Способности «прощать и сдерживать обещания» – это принципы, которые, по мысли Арендт, накладывают своего рода «узду» на стихийные, неконтролируемые проявления активности в области политических отношений и направляют их в позитивное русло. «Спасительное средство против неотменимости – против того, что содеянное невозможно вернуть назад, хотя человек не знал и не мог знать, что делал, заключено в человеческой способности прощать, – пишет Арендт. – А спасительное средство против необозримости – а тем самым против хаотической недостоверности всего будущего – заложено в способности давать и сдерживать обещания» [8, с. 313-314];

Преимущества названных принципов, по мнению Арендт, заключаются в том, что они:

во-первых, отражают существо политической рефлексии, т.е. дают индивиду возможность адекватно оценить свое место в политических отношениях. Способность поставить под контроль собственные политические оценки, знания и действия является, с точки зрения Арендт, весьма существенным основанием для управления, руководства другими людьми. «Господство над собой оправдывает и обуславливает господство над другими людьми» [8, с.315];

во-вторых, фиксируют единство внутреннего и внешнего, ибо предполагают рассмотрение человека не как атомизированного, обособленного начала, а как индивида в политическом сообществе. Названные принципы гармонизируют индивида как «первокорпичика» политического объединения с политическим сообществом в целом. Согласно Арендт, «опыт дарования прощений и сдерживания обещаний решает, насколько человек в состоянии прощать сам себя или сдерживать обещания, касающиеся только его самого; только тот, кому обещание сдержали, может обещать что-то самому себе и сдерживать обещание» [8, с.315];

в-третьих, развивают плюралистические принципы общественной жизни, закладывают основы разнообразия в политической сфере, неповторимо-уникального проявления политической инициативы и активности. И вообще для Арендт является аксиоматичным, что «противоядие против чудовищно косной вязкости ... процессов вступает в действие лишь там, где среда поступков составляет плюрализм человеческого ми-

ра» [8, с.315]. В другой связи она «подчеркивает, что обе способности могут быть тем самым введены в действие лишь при условии плюрализма, присутствия других, которые со-существуют и со-действуют» [8, с.314];

в-четвертых, семиотизируют пространство человеческой деятельности, связывая воедино прошлое, настоящее и будущее. Значение названных принципов в том, что они придают политическому процессу некое единство, цельность и обеспечивают его преемственность. «Обе эти способности взаимосвязаны, поскольку одна относится к прошлому и делает не бывшим нечто совершенное, грех, который, подобно Дамоклову мечу, нависал бы над каждым новым поколением и, в конечном счете, погребал его под собой, – констатирует Арендт, – тогда как другая устанавливает нечто предданное как указатель на будущее, где без обязывающих обещаний, которые люди словно островки безопасности бросают в грозное море неизвестности, не была бы возможна никакая преемственность человеческих отношений, не говоря уже о постоянстве и верности» [8, с.314];

Арендт признает, что «способность прощать» приводит к формированию определенного политического климата, особой атмосферы политической жизни, основанной на уважении к другому человеку. Причем в данном случае имеется в виду уважение, оказываемое индивидам независимо от их качеств, успехов и места в общественной иерархии. Уважение создает, по ее мнению, «вполне достаточное побудительное основание простить человеку то, что он сделал, ради того, кто он есть» [8, с.322]. «Способность прощать» закладывает предпосылки «политической дружбы». Утрата таких незабываемых ценностей, как уважение, вера, доверие, наблюдаемые в современной политической жизни, приводит к ослаблению политического сообщества и социума в целом. Согласно Арендт, «современная утрата уважения, соответствующая убеждению, что уважения заслуживает только удивительное и ценное, есть явственный признак возрастающей обезлички публичной и социальной жизни» [8, с.322].

В то же время Арендт понимает известную ограниченность принципа «способности прощения» в политической жизни, неукоснительное соблюдение которого может привести к некоторому морализаторству. Поэтому она утверждает большую значимость для политики принципа «способность давать и сдерживать обещания». Власть возникает везде там, где люди собираются и действуют совместно, но силой, скрепляющей эту совместность, является не что иное, как сила взаимного обещания, в конечном счете кристаллизующаяся в договоре. Арендт полагает, что еще у римлян теория договора являлась средоточием политической мысли. Следование данному принципу предполагает добрую волю участников политического процесса и опирается на достаточно высокий уровень их сознания. Данное правило, как никакое другое, показывает, что нравственные принципы не могут быть навязаны извне, а возникают из бытия людей и формируются непосредственно в практике политического общения.

Значимость данного принципа определяется у Арендт тем, что на его основе в политические отношения вносятся некие начала регулируемости. Политические процессы нередко носят стихийный характер. Инверсионность политического движения, его непредсказуемость, по мнению Арендт, связаны, прежде всего, с различной степенью рациональности мотивов участников политической деятельности. Наряду с осознанным выбором субъектами тех или иных средств, в политике, несомненно, присутствуют аффективные моменты. «Непредвидимость будущего, этот туман недостоверного и неведомого...», – подчеркивает она, – возникает... из неисследимости человеческого сердца, «вещи упрямой и отчаянной», имея истоком принципиальную ненадежность человеческого существа, никогда не способного сегодня поручиться за то, кем оно станет завтра» [8, с.323]. Кроме того, политика выступает как результат взаимодействия большого числа элементов, их взаимной компенсации и уравнивания. Плюрализм политических отношений является отчасти следствием способности индивидов поступать свободно, что приводит к возникновению случайных, незапланированных форм политической активности. Арендт пишет об этом: «Эта непредвидимость определяется средой плюральности, в которой движется действие, коль скоро последствия действия происходят не из самого деяния, а из ткани сопряжений, в которые они попадают, соответственно, из конstellации, которую составляет между собой сообщество равночестных, равносильных обладателей способности к поступку» [8, с.323]. Реализация «способности давать и сдерживать обещания» делает деятельность человека «вычислимой», а будущее контролируемым. Она создает условия для прогнозирования политической деятельности.

Вместе с тем нельзя не отметить определенную противоречивость положений Арендт. Эти противоречия связаны во многом с общетеоретическими установками ее и, в частности, с пониманием баланса между публичностью и приватностью. Понятие «публичный» фиксирует и отражает в творчестве Арендт те стороны и характеристики социума, которые характеризуются прозрачностью, эмпирической открытостью и гласностью. Это жизненное пространство общего для индивидов, связанное с «объективным», т.е. «предметным отношением к другим» [8, с. 65]. Что же касается частного, приватного, то эта сфера, по мысли Арендт, выражается в закрытости, отсутствии других, причастности только к данному человеку и поэтому несет на себе некий отпечаток интимности. «Приватный человек, – констатирует она, – не выступает в явленности, словно как если бы его вообще не существовало. Все, что он делает, или упускает, лишено значения, не имеет последствий; все, что его задевает, не касается больше никого» [8, с.76]. Только в приватной сфере может

проявить себя деятельное добро: «... деятельное добро должно совершенно таиться и избегать любого рода явленности и показа, если не хочет сделать само себя невозможным» [8, с.98].

Подлинная моральность ассоциируется Арендт с «приватным адресом», с проявлением ее как индивидуальной морали. Что же касается публичной сферы, то в ней ценности общечеловеческого порядка заменяются идеологическими догмами, функционирующими в массовом сознании как догматы, ибо требуют беспрекословного принятия на веру и беспрекословной верности идее. Нельзя не согласиться с Ю.А. Маликовой, которая пишет о том, что «если мораль приватна по природе, то такое допущение, по логике Арендт, лишает моральное достоинство статуса реальности» [9, с.179]. Следуя доказательствам Арендт, можно прийти к заключению о том, что морали в сфере публичности не на что опереться. Думается, что данный тезис весьма существенно позиционирует не только обозначенным ею «способностям прощать, давать и выполнять обещания», но и пониманию самого существа публичности. Главное назначение сферы публичности в выявлении уникального достоинства человеческой индивидуальности, раскрываемого, прежде всего через нравственное содержание его Кто личности, во взаимодействии с другими людьми, трансформируется в КТО личности, которые, в свою очередь, выступают предпосылкой проявления личности в процессах говорения и действия – главных формах политического. «Действуя и говоря, люди всякий раз обнаруживают, *кто* они суть, активно показывают неповторимость своего существа» [3, с.234]. «Уводя» мораль в сферу приватности, Арендт лишает публичность нравственности, являющейся важнейшим проявлением КТО личности.

Несмотря на определенную противоречивость в обосновании проблемы соотношения политики и морали, нельзя не видеть глубочайший позитивный смысл, заложенный в предлагаемом Арендт нравственном походе к анализу политической жизни. Нравственный контекст политических отношений мог бы служить укреплению механизма общественного доверия, обеспечить стабильность и прочность политических структур через внедрение в политическую жизнь таких начал, как вера, доверие, уважение, выполнение взятых обязательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платон. Государство. Законы. Политик / Платон. - М, 1998.
2. Макиавелли Н. Избранные произведения / Н. Макиавелли. - М., 1982.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т.3.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т.2
5. Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер. - М., 1990.
6. Arendt H. Some Questions of Moral Philosophy / Arendt H. Responsibility and judgment. N.Y., 2003.
7. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. - М., 1996.
8. Арендт Х. Vita activa, или о деятельной жизни/ Х. Арендт. - М., 2000.
9. Маликова Ю.О. Обоснование морального действия в философии Ханны Арендт / Ю.О. Маликова // Вопросы философии. – 2005. - № 6.